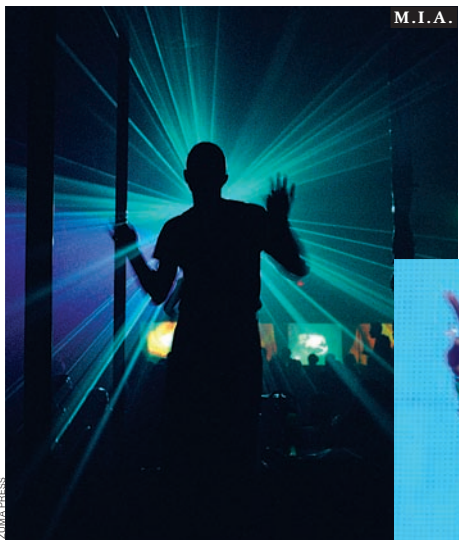

Рэйволюция

Лучше всего продается антибуржуазная музыка

Юрий Яроцкий |

M.I.A.

«Н.О.М.»

Вуди Гатри

Джил Скотт-Херон

M.I.A.

Боб Дилан

ВЫРАЖЕНИЕ «революционные песни» сразу вызывают в памяти «Интернационал» или «Варшавянку». Но на самом деле это глубоко вчерашний день, часть истории прошлого века, не более того.

Современного революционера — хоть антиглобалиста, разбивающего банковскую витрину в лондонском Сити, хоть кого-то из солдат армии субкоманданте Маркоса — трудно представить поющим «Нам ненавистны тиранов короны / Цепи народа-страдальца мы чтим»; этот стиль был в моде недолго и вышел из нее почти сразу после того, как стал частью официоза, пусть и вполне революционного по своему происхождению. Песни, которые можно было в той или иной степени назвать революционными, стали звучать по-другому.

Пожалуй, самую главную бунтарскую песню за последние полувек — «The Revolution Will Not Be Televised» — написал в 1970 году двадцатидвухлетний уроженец Чикаго по имени Джил Скотт-Херон. Точнее, это была даже не песня, а поэма, превращенная в нервную мелодекламацию, один из образцов того стиля, который спустя 10 лет дал жизнь рэпу: «Революция не будет представлена вам компанией Хегох в четырех частях без перерывов на рекламу [...] Революция не будет казаться лучше с „Кока-колой“, революция не справится с бактериями, вызывающими запах изо рта [...] Революция не будет снова передана в записи, братья — революция придет живьем». Текст кажется вполне актуальным, как и сам Скотт-Херон, который мало того что в свои 62 года не так давно выпустил очень удачный и интересный альбом, но и не потерял способности попадать в кулуары за попытки ввоза в разные страны запрещенных веществ.

Главная протестная музыка последних десятилетий часто звучала довольно тихо. Например, одна из главных — «The Times They Are A-Changin'» Боба Дилана: гитара, губная гармошка, никаких упреков и обвинений, почти одна только констатация — «времена меняются, не забывайте об этом, не думайте, что все останется как прежде». Примерно так же тихо звучала и другая великая песня, написанная и спетая еще в 1940 году Вуди Гатри «This Land Is Our Land»: слова, которые в ней говорились, чтобы их все поняли, не нужно было петь громко. Примерно о том же, и тоже безо всякой истерики примерно тогда же пела Билли Холидей в «Strange Fruit», где странным фруктом среди ветвей было тело линчеванного негра. Такие негромкие проповеди (хоть конечно и не только они) оказались действенными — со временем сегрегацию отменили, а линчевать кого бы то ни было в США стало по-настоящему неприлично.

Отмена сегрегации, конец войны во Вьетнаме, отставка Шарля де Голля — во всем этом массовое искусство, и особенно музыка, сыграло свою роль. А когда миссия

в общем и целом начинала казаться законченной, все еще вчера революционное становилось частью мейнстрима. Довольно быстро откровенное бунтарство стало эффективным маркетинговым инструментом, а что может быть хуже, чем если враг использует против тебя свое же собственное оружие.

Можно говорить все, что угодно, как, например, дочь тамильских сепаратистов по прозвищу MIA, спевшая в песне «Paper Planes» буквально «все, что я хочу, это забрать твои денежки» — ничего не случилось, кроме того, что песня отлично продавалась, а сама певица купила себе особняк в Лос-Анджелесе и с тех пор тщетно пытается сымитировать что-то антиобщественное. Проблемой становится твоя собственная популярность.

Но есть и противоядие. Например, что-то максимально обезличенное, как, например, вся та музыка, под которую в 90-е состоялась рейв-революция. Ее отдельно взятые исполнители ничего не значили, зато имели значение многотысячные нелегальные рейвы, которые предлагали и наглядно находили спрос на совсем другие, чем у обывателей, ценности. Здесь вспоминается творчество нашей остроумнейшей группы НОМ — «Мы — не такие, как вы, и ценности ваши как дым марихуаны для нас!!!! Игла нам заменит Родину, которую вы разбазарили, а музыка рэп и рэгги — гимн против вашей сытости». Жизнь предъявила удивительный парадокс — вашу и нашу свободу оказалось до определенной степени возможным завоевать без баррикад и демонстраций, а просто буквально за нее сплывав под любимого диджея. Другое дело, что в этом все равно есть что-то похожее на розу, засунутую в дуло пушки.